

Через два дня после того, как стол Хан Джун У был перевернут, его учебники были выброшены в горящий мусорный бак.

Было нетрудно вычислить виновника. После нескольких уроков кто-то торжественно улыбнулся Го Ёхану. И, по словам других, этот же человек ранее хвастался в туалете, что выбросил все книги Хан Джун У.

— Какой смелый.

Я посмотрел на коробку с бумагой, аккуратно поставленную рядом с синим мусорным ведром. Коробка с потертыми краями и потрескавшейся от износа поверхностью содержала информацию о борьбе между Го Ёханом и Хан Джун У.

Два дня назад Хан Джун У проиграл Го Ёхану, даже не осознавая этого.

Мотив был очевиден. Сначала я подумал, что это просто издевательство, но, почувствовав что-то необъяснимое, я понял, что даже окружение Хан Джун У начало замечать его странное поведение. Становилось все более очевидным, что его чувства к Хан Тэсану были не просто ненавистью, а склонность к насилию - не просто издевательством. В тот момент, когда я увидел, как Хан Джун У и Хан Тэсан дерутся, я был уверен в этом. Но даже когда я наблюдал, как общественное мнение поворачивается против Хан Джун У, я не чувствовал необходимости что-либо объяснять или чувствовать себя виноватым.

Я был не настолько глуп, чтобы разрушить свою жизнь собственными руками. Я точно знал, как это будет выглядеть, если я попытаюсь защитить его. Это могло заставить меня казаться добрым, даже преданным. Но в кубических джунглях, в которых мы жили, где существовало более тридцати различных версий нашего "я", даже одна из них могла вызвать сомнения.

— Почему?..

Эта мысль привела меня в ужас.

Я положил голову на стол и закрыл глаза. С таким же успехом можно было бы вздремнуть. И на мгновение мне захотелось, чтобы, когда я открою глаза, все было именно так, как я хотел. Я уже почти задремал. Если бы меня оставили в покое, я, вероятно, заснул бы.

Затем что-то ударило меня по макушке, заставив проснуться. Я сел, потирая голову, и увидел, что Го Ёхан тоже прикасается ко лбу.

— Какого черта, это больно...

— Почему ты первым делом ложишься спать с утра пораньше?

— Не лезь не в свое дело. Что это такое..?

— Ах, это?

Го Ёхан бесстыдно ухмыльнулся и поднял костыль, который держал под мышкой.

— Подобрал его по дороге сюда. Нашел в школьной корзине для мусора.

Мое лицо исказилось от раздражения. Го Йохан всегда вытворял всякие странные штуки.

Было не так уж больно, но я провел пальцами по макушке, опасаясь, что волосы растрепались. Тем временем Го Ёхан развернулся и ногой отшвырнул стул в сторону, а затем плавно сел на него, прежде чем тот успел опрокинуться. Конечно, он не упал. Он бросил свою сумку на стол, затем использовал ее как подушку и плюхнулся вперед.

Ты будишь меня только для того, чтобы поспать самому?

— Я просто беспокоился о твоих оценках, хотел убедиться, что ты не проспал урок. Не важно, просплю ли я. Мои оценки и так паршивые.

— Чушь собачья.

Я изогнулся всем телом, ворча, когда отвечал ему. По какой-то причине, все, что говорил Го Ёхан, вызывало у меня желание возразить. Я раздраженно толкнул его ногой, и он ухмыльнулся.

— Эй, это нормально - бить раненого человека? Ты придурок.

Игривая смесь сарказма и поддразнивания заставила меня усмехнуться, и на этот раз я пнул его костыль. Он упал на него, но, даже не подняв головы, он поднял руку и без усилий поймал его. Даже несмотря на мое вмешательство, он не потрудился оторвать взгляд от своей сумки. Вместо этого он беззвучно рассмеялся, а затем внезапно заговорил.

— Я хотел тебя кое о чем спросить.

— О чем?

— Это ведь произошло не просто так, не так ли?

Дерьмо. Это было так заметно? Хотя мое лицо пострадало не так уж сильно.

Я колебался всего секунду, прежде чем провести рукой по лицу и небрежно ответить.

— Это был несчастный случай.

Все еще опираясь подбородком на сумку, Го Ёхан издал тихий смешок.

— Да?

Его взгляд метнулся ко мне, и он указал на меня пальцем, как бы выделяя из толпы. Я не понял его намерений, поэтому переспросил в ответ.

— Что?

— Ты бесстыдник.

В тот момент, когда он улыбнулся, опираясь на костыль, я забыл, как думать.

Что, черт возьми, он говорит?

— Это еще почему?

— Я не думаю, что ты просто упал...

—

Слова Го Ёхана всегда были загадочными, но на этот раз в них звучала тихая угроза.

Его взгляд был пугающе неподвижен. В его ярких радужках виднелся темный зрачок, который пристально смотрел на меня. Это было все равно что наблюдать за кончиком стрелы, пытаюсь угадать, куда она попадет. И на этот раз она была направлена прямо в меня. В голове у меня помутилось. Два слова чередовались снова и снова, звеня у меня в голове. Ни за что. Он не мог этого сделать. Ни за что. Он не мог этого сделать.

Затем, наконец, глаза Го Ёхана сузились.

— Это больше походит на то, что ты на что-то наткнулся.

Его удлиненные, похожие на змеиные, глаза округлились. У меня пересохло в горле. У меня перехватило дыхание. Глоток. Когда он приоткрыл губы, я даже моргнуть не мог.

— Если другие узнают, будет неловко, не так ли?

—

— Я сохраню это в секрете.

Затем, поднеся руку с костылем к губам, он прошептал эти слова и подмигнул. Дыхание, которое я сдерживал, забилося у меня в груди, как у зверя в клетке.

Он даже не стал дожидаться реакции. На этот раз он небрежно провел рукой по своей челке и указал на меня.

— Но ты скопировал мою прическу? Это как-то слишком.

Я потерял дар речи. Го Ёхан сморщил нос с преувеличенным неодобрением.

— В любом случае, я собираюсь поспать..

Он зевнул и уткнулся лицом в сумку. Уставившись на его затылок, я, наконец, пробормотал:

— Я не копировал тебя и не стригся.

— О, да?

Его приглушенный голос донесся из недр сумки.

— Агнец Божий, который берет на себя грехи мира.

Молился Го Ёхан, сжимая в руке свой табель успеваемости.

Четвертый урок. Как только закончился урок английского, мы получили наши промежуточные оценки за прошлый месяц. Го Ёхан уткнулся лицом в раскрытый табель успеваемости, прочитал свои оценки и вдруг пробормотал молитву. Затем он драматично откинул голову назад и глубоко вздохнул.

— Ах, я в заднице.

Я взглянул на свой табель успеваемости, проверил свои оценки, затем сложил его пополам и сунул в передний карман сумки. Когда я снова посмотрел на Го Ёхана, он все еще вздыхал.

Из-за того, как сильно он запрокинул голову, я мог видеть только его кадык. Он сильно качался, как будто отчитывал меня за то, что я уставился на него. Остановив свой взгляд на его горле, я сказал:

— Эта молитва не для этого..

— Какая разница? Молитва есть молитва.

Затем он внезапно спросил:

— Эй, а кто это - Бог или Повелитель?

Именно тогда я понял кое—что необычное в Го Ёхане - его религиозная вера была странной.

— Почему ты спрашиваешь меня? Это твоя же религия.

— Джун-а, не будь таким. Ты такой умный, я думал, ты все знаешь.

— Я не знаю. Я не религиозен.

Го Ёхан, который сидел, откинувшись назад, насколько это было возможно, внезапно резко подался вперед. Наши взгляды встретились, и, не успев опомниться, я инстинктивно отвернулся к окну, притворившись, что ничего не заметил. Но по какой-то причине у меня защемило в груди, словно меня поймали на краже.

Я рассеянно уставился в окно, затем перевел взгляд на жесткий воротничок идеально отглаженной рубашки Го Ёохана. Накрахмаленная белая ткань облегла его шею, но при каждом резком движении открывалась его ключица.

— Итак? Хочешь пойти со мной в церковь?

— Что? Нет.

— Ах, почему бы и нет? Пойдем. Если мы приедем на выходные и Рождество, они раздадут подарки. Фрукты, закуски, ттокбокки...

— Подожди, только не говорите мне, что ты едешь только ради этого?

— А ради чего еще..?

Я наконец-то разглядел его лицо, и мой взгляд упал на шариковую ручку, которую он держал у верхней губы. Сначала я не хотел признавать этого из чистой гордости, но в тот момент я должен был кое—что признать - Го Ёхан был симпатичным. Какой самодовольный идиот.

Ручка, зажатая между его носом и верхней губой, превратила его голос в невнятное, недовольное бормотание.

— Но то, как ты это говоришь, звучит так, будто я ворую или что-то в этом роде. Если они раздают это, что плохого в том, чтобы взять немного?

— Можно ли вообще назвать это верой, если ты веришь по таким эгоистичным причинам?

— Так начинают все. Люди не начинают с грандиозных представлений. Они думают: "О, они раздают вкусную еду. Этот человек, должно быть, приятный". И затем, мало-помалу, их вера в этого "приятного человека с закусками" превращается в абсолютную веру в Бога. Начало и сам процесс не имеют значения. Я считаю, что важно то, что происходит сейчас.

Го Ёхан иногда нес какую-то чушь. Даже Хан Джун У время от времени оказывался втянутым в это.

Иногда это была просто чушь. Но иногда это была такая чушь, что даже я поддавался искушению. Сейчас было последнее.

Я провел рукой по челке, убирая ее со лба. Но она продолжала падать мне на глаза, поэтому на этот раз я покачала головой из стороны в сторону. Мои тонкие пряди волос закачались передо мной. Я собрал их у висков, и, наконец, ощущение щекотки уменьшилось.

В последнее время я был так рассеян, что забыл подстричься.

С уходом Хан Джун У и Хан Тэсана передняя часть класса всегда была пуста. У меня больше не было причин смотреть в ту сторону.

Шесть дней назад наш классный руководитель вызвал меня в учительскую и спросил, не было ли вестей от Хан Джун У.

Я ответил честно, без колебаний.

— Нет, никаких.

— Ты все еще не помирился с Джун У?

Я горько улыбнулся. Это была идеально продуманная улыбка. По правде говоря, мне совсем не хотелось улыбаться.

— Нет. Джун У... он очень разозлился на меня.

— Джун У разозлился на тебя?

— Ага.

Слухи уже поползли, так что не похоже, чтобы классный руководитель совсем не обращал внимания на подтекст моих слов.

— Хорошо, я понимаю, - сказал он, отпуская меня. Затем, когда он сел, он пробормотал что-то себе под нос.

Судя по фрагментам, которые я уловил, это были в основном жалобы на Хан Джун У и разочарование из-за нагоняя, который он получил от отца Джун У.

Я притворился, что не слышу этого трогательного монолога, и отвернулся, но все равно слушал. Именно так я воспринял атмосферу, царившую в кабинете учителя.

Позже, после школы, когда я готовился дома к частным урокам, мне позвонил отец Хан Джун У. Он задал тот же вопрос, что и классный руководитель, — не знаю ли я, где Хан Джун У.

Я дал ему тот же ответ.

— Нет, Джун У больше не обращался ко мне.

— Я понимаю...

— Мне действительно жаль, что я ничем не могу вам помочь.

— Нет, тебе не за что извиняться. Все в порядке.

В последнее время отец Хан Джун У звонил чаще, чем обычно. И каждый раз разговор проходил в одном и том же ключе.

Было что-то странно нарочитое в том, как он продолжал пытаться связать меня с Хан Джун У. Я поспешил закончить разговор.

Честно говоря, извиняться было не за что. Но я все равно извинился — чтобы понравиться.

Это был тот же инстинкт, который заставлял людей называть уродливого новорожденного милым. Своего рода социальная условность. Форма этикета, которая функционировала в цивилизованном обществе.

Поэтому я не думал, что взрослые воспринимали меня как объект игры.

Если уж на то пошло, моя вежливость была больше похожа на грубую пантомиму в исполнении придворного шута.

Я всегда знал свое место.

И поскольку я прилагал все усилия, чтобы понравиться зрителям, я был обречен стать любимым шутком.

Даже если однажды я совершу ошибку, настолько вопиющую, что зрители нахмурят брови, они простят меня.

Это был фундамент, который я закладывал.

В отличие от некоторых идиотов, я жил свою жизнь мудро.

Возможно, с точки зрения взрослого, мой образ мышления был не более чем узколобой, мелкой уловкой, с помощью которой я выпутывался из неприятностей.

Но среди моих сверстников было бесспорно, что я был тем, кто знал, как мудро справляться с непредсказуемыми ситуациями.

Если вам нужны были доказательства, вам достаточно было взглянуть на Пак Дончоля.

Пак Дончоль был самым отчаянным из всех, кто пытался завоевать расположение Го Ёхана. Из-за этого он также вел себя дружелюбно по отношению ко мне, поскольку в глазах других я уже с самого начала разделял взгляды Го Ёхана.

Хотя когда-то он был одним из ближайших друзей Хан Джун У, теперь он ясно давал понять, что они не были так уж близки.

— Этот ублюдок. Только потому, что у него были деньги и приличная внешность, он вел себя так чертовски самоуверенно. Честно говоря, Ёхан выглядит лучше. Он ведь тоже стал выше, верно? О да...

Дончоль многозначительно погрозил мизинцем. Он пытался возвысить Го Ёхана, низвергнув Хан Джун У. Поскольку самым большим предметом хвастовства Джун У всегда были бесчисленные ночи, которые он проводил с разными девушками, Пак Дончоль, естественно, перенес это дикое хвастовство на Го Ёхана.

Но Ли Сокхен почти не слушал, откровенно возясь со своим телефоном, в то время как Ким Минхо, который был занят тем, что жевал горячую сосиску, внезапно оживился.

— Подожди минутку. Так ты заценил член Ёхана в ванной? Минхо ехидно ухмыльнулся. - Ты извращенец. Зачем ты подглядываешь за чужими причиндалами? Эй, ты что, гей, блядь? Что, общение с Хан Джун У отразилось на тебе? А? Хууууу?

От этой мерзкой насмешки лицо Пак Дончоля вспыхнуло ярким румянцем, и он плотно закрыл рот.

— Прекрати. Это просто жестоко, — вмешался Ким Сокмин. — Ты думаешь, он хотел все это время тусоваться с Хан Джун У?

К счастью, Сокмин был в дружеских отношениях с Дончолем, иначе Дончоль, возможно, действительно начал бы плакать.

Тем временем Минхо запихнул в рот остаток сосиски, открыв рот достаточно широко, чтобы было видно пережеванное. Затем, ни с того ни с сего, он обнял Дончоля за плечи, несколько раз похлопал его по груди и ухмыльнулся.

— Эй. Ты же не злишься из-за маленькой шутки, правда? Да ладно, не будь таким обидчивым.

Дончоль оскалил зубы в том, что должно было изображать улыбку, но ему определенно было не до смеха. Сокмин заметил его дискомфорт и оттолкнул руку Минхо.

— Эй, Минхо. Прекрати. Серьезно. Эй, Дончоль, не хочешь после школы сходить в компьютерное кафе?

— Хм? О, да, конечно.

— Подождите, подождите. Вы двое... Ни за что. Ни за что на свете. Я не собираюсь смотреть, на это дерьмо. Нет, ни в коем случае. Не уходите. Вы не можете уйти. Вы двое, расходитесь! Расходитесь поодиночке! Расходитесь!

— Господи, Минхо, заткнись нахуй. Клянусь, я убью тебя на хрен.

— О, Сокмин, не смотри на меня так. Я просто пытаюсь помочь вам сблизиться, ребята! Это все просто развлечение. Давай, пойдём все вместе. Эй, принц, ты тоже идешь?

— Нет, я собираюсь домой пораньше.

Сокхен, по прозвищу Принц, пренебрежительно махнул рукой и вернулся к своему телефону.

Уткнувшись в экран, все трое уставились на меня.

Сокмин заговорил первым.

— Кан Джун, я так понимаю, ты тоже сегодня не придешь, да? Жизнь образцового студента, должно быть, тяжелая, столько учебы отнимает много времени.

— В значительной степени..

— Фуууу... Чувак. Это и есть то, чем должна быть юность? Просто учиться все это чертово время? Давай, к черту своих родителей и пойдём с нами. Всего один раз. Тебя даже не поймают.

— Я правда не могу. Вы, ребята, повеселитесь без меня.

— Ух ты. Кан Джун, ты такой гребаный ботаник. Какой неудачник.

— Чувак, он всегда был таким, даже когда тусовался с Хан Джун У.

— Черт возьми. Дончоль! Пак Дончоль! Ты же знаешь, да? Даже когда Кан Джун общался с Хан Джун У, он все равно общался с нами, ясно? Так что, если вы не понимаете, о чем, черт возьми, говорите, заткнитесь и отвалите. И—и послушайте, ребята. Давай не будем вспоминать Хан Джун У, когда мы будем вдвоем. От одной мысли об этом ублюдочном гее у меня мурашки бегут по коже. Я с самого начала знал, что с ним что-то не так. Тьфу.

— Ах... прости...

— Забудь об этом. За что, черт возьми, ты должен извиняться, Дончоль? И Минхо, прекрати нести чушь. Ты ведь веселился с Джун У на его дне рождения, не так ли? О, точно. Кан Джун, тебя там не было, да?

— Да, в тот день у меня были занятия с репетитором.

— Видишь? Кан Джун рано раскусил всю чушь Джун У. Блядь. Тогда я был слишком ослеплен его деньгами, чтобы заметить это. Черт возьми! Черт!

Ким Минхо прижал пальцы ко лбу и с отвращением покачал головой.

Сокхен, который, по-видимому, в какой-то момент оторвался от своего телефона, теперь смеялся себе под нос. Затем, сунув телефон в карман, он встал.

— Э, я тоже уйду..

— Куда? В компьютерное кафе? С нами?

— Куда ж еще? Конечно.

Сокхен передумал, и как только он это сделал, все трое в волнении сжали кулаки.

В этот момент задняя дверь класса с громким стуком распахнулась.

Это был Го Ёхан.

При его торжественном появлении Ким Минхо раздраженно прищелкнул языком. Казалось, он только и ждал этой возможности. Несмотря на то, что было очевидно, что Минхо подчиняется Го Ёхану, он все равно вел себя так, будто выжидал удобного момента, чтобы подколоть его.

— Ах, черт возьми, Го Ёхан! Ты мудака! Разве ты не видишь, что люди учатся? Ух ты, черт!

— О, укс. Ты прав. Виноват, мои дорогие друзья.

Го Ёхан приложил обе ладони к животу и отвесил официальный поклон.

Затем, как только он сел, он потер покрасневшие руки о бедра, как будто только что вымыл их ледяной водой. Он тихо рассмеялся и, слегка покачав головой, сказал дразнящим тоном.

— Прости Ёхана.

— Да, да. Что угодно. Ёхан, ты тоже идешь?

— Куда?

— В компьютерное кафе. Прямо на улице.

— Ты что, совсем тупой? Если хочешь разрушить свою жизнь, то валяй.

— Господи, Ёхан, твоя жизнь такая же скучная, как и у Кан Джуна. С вами, ребята, действительно неинтересно..

— Это вы, придурки, закончите свою жалкую жизнь, когда вам стукнет тридцать. Чертов мусор.

— Отвали. Мы просто поиграем часок и вернемся. Сейчас перерыв, время перерыва!

<http://bllate.org/book/12586/1118473>